

УДК 141:172.13(510)

Религиозно-идеологический аспект в концепции управления государством (Китай)

Цыбанов Шагдар Ширапович

Кандидат философских наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в;
e-mail: tsybanov_sh@mail.ru

Аннотация

Цель. Статья посвящена рассмотрению роли религиозно-идеологического фактора в концепции управления государством в Китае. В работе осмысливается значение ценностей китайской цивилизации в мировом историческом процессе, выявляются духовные причины социокультурного и политического усиления Китая на современном этапе. В статье используются **методы** сравнительного анализа, историко-философской реконструкции, философской герменевтики. **Результаты.** Автором раскрывается особенность интерпретации понятий «политика» и «реформа» в китайской культуре; проводится параллель с трактовкой этих понятий в западном дискурсе. В работе анализируется роль закона и ритуала в практиках управления, осмысливается значение ключевых ценностей китайского социалистического общества. В статье представлена трехчленная модель управления государством в Китае (власть, мудрость, добродетель). Выявлена особая роль духовного потенциала правителя в системе власти. Раскрывается значение метафорического образа власти, а также фактора страха как скрытой, но вездесущей возможности. **Область применения результатов** – социально-гуманитарная область, сфера социально-политического прогнозирования и анализа.

Для цитирования в научных исследованиях

Цыбанов Ш.Ш. Религиозно-идеологический аспект в концепции управления государством (Китай) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 5А. С. 105-113.

Ключевые слова

Конфуцианство, буддизм, мягкая сила, харизматическое управление, власть, закон, ритуал, гармоническое общество.

Введение

В контексте мировых цивилизаций Китай считается одной из самых древних, богатых и жизнеспособных культур с историей, охватывающей несколько тысяч лет. В современный период бурное развитие экономики Китая и размах научно-технических достижений создают предпосылки к тому, чтобы XXI век называть веком Китая в соответствии с масштабом значения этой культуры в мировом социально-экономическом и культурно-политическом процессе.

Стратегия управления государством в Китае на современном этапе реализуется в сложной геополитической обстановке. Крушение СССР не привело к устранению биполярности мира. Усилившиеся к началу XXI века тенденции к глобализации обострили противоречия, накопившиеся за прошедшее столетие. В этом контексте противоположным полюсом западоцентристской парадигмы с ее концепциями «конца истории» и «столкновения цивилизаций» является сложившаяся за несколько тысячелетий система традиционной китайской культуры, являющаяся наряду с ценностями культуры России своеобразным альтернативным мирохозяйственным центром.

Концепция управления государством в Китае

Китайская концепция глобализации в общей стратегии управления предусматривает дифференциацию экономического и политического аспектов по степени их значимости. При этом явное предпочтение отдается экономической составляющей глобализации в ущерб политической, так как чрезмерная открытость в области политических отношений чревата вмешательством Запада во внутреннюю жизнь страны. В данном контексте наметившаяся интенсификация экономических процессов определяется общей направленностью Китая на усиление позиции в мире.

Усиление роли Китая определяется не только внешней конъюнктурой, но и внутренними факторами развития, что подтверждается способностью сохранять высокие показатели экономического роста в течение многих лет.

Причину «экономического чуда» Китая и его культурной экспансии в мир экономические детерминисты склонны выводить из специфики экономической и политической системы этой страны, другие же ученые усматривают эти причины в особенностях аксиосферы китайцев, основывающейся на исторически сложившихся религиозных тенденциях. Такая точка зрения выглядит более убедительной, так как именно культура, сформированная на базе религиозных представлений, олицетворяет собой драйвер политики и экономики, их «мягкую силу» (*soft power*) [Галенович, 2006, 274].

Представления древних китайцев об оптимальной системе «социального порядка» основываются на космологической философско-религиозной доктрине: законы, обуслов-

ливающие жизнь Вселенной, равным образом определяют и социальное бытие. В рамках религиозно-философских течений Китая – конфуцианства, даосизма, буддизма, легизма, моизма, натурфилософии – возникают фундаментальные для китайского общества понятия и категории, определяющие структуру и содержание не только индивидуальной картины мира, но и всей социально-политической системы в целом.

Традиционное для западного сознания значение слова «политика» как управление, основанное на принуждении, не свойственно традиционной китайской культуре. В этом контексте следует констатировать, что государство в массовом сознании китайского народа имело скорее этическое значение, нежели политическое. Политика трактовалась как администрирование, но не принуждение. Такая тенденция присутствует и в других странах с конфуцианской культурой, где политика рассматривается как область консолидации, но не борьбы политических сил [Кузык, 2006, 47; Сидихменов, 2000, 145].

Характерными признаками азиатской культуры являются: коллективизм, неконфликтность, подчинение власти, традиционализм, строгая иерархичность на всех уровнях социального бытия [Брам, 2002, 109]. Все эти признаки создают основу для формирования сугубо китайского взгляда на политику.

Стратегия управления государством в массовом сознании китайцев не связана с присущей Западу логикой «сдержек и противовесов» и «балансом властей». Основным скрепляющим звеном между властью и подданными является моральный облик правителя, служащего образцом для подражания, неким идеалом, вызывающим священный трепет. В таком аксиологическом контексте источником авторитета власти являлся не страх наказания, а способность и желание власти заботиться о народе, ее честность и неподкупность. Этим обуславливается и отличие логики реформирования социальных подсистем: если на Западе реформы имеют в основном институциональное содержание, оставаясь безразличными к духовной составляющей, то в Китае индикатором эффективности реформ всегда была и остается культура [Кузык, 2006, 47-48].

Необходимой предпосылкой проведения реформ в Китае является предварительное создание условий для реформирования (правовых, экономических, культурных, этических), что способствует постепенному приобщению народа к практике управления государством. Для Китая императивная модернизация, навязываемая Западом, является неприемлемой, поскольку такая модель несет потенциальную угрозу традиционным ценностям. Китайский принцип реформирования имеет поступательный и ненавязчивый характер (принцип «переходить реку, нащупывая камни») и основывается на ненасильственном возвышении как условия постепенного вхождения в систему мирохозяйственных связей [Матвейчев, 2004, 98].

Следует также отметить, что демократия как социально-политический феномен – результат эволюции западной цивилизации, и потому глубоко чуждый культуре Китая. В основе демократии лежит стремление личности получить некоторую автономию от государства, в результате чего личность стремится защитить свои интересы, контролируя полномочия

государства. В китайской модели личность – неотъемлемая часть государства, в связи с чем ни о какой автономии не может идти речи. Это обстоятельство создает предпосылки для формирования пессимизма у политологов, стремящихся обнаружить ростки демократии в китайской культуре [Кокарев, 2004, 270].

«Антидемократизм» Китая, как, впрочем, и других восточных цивилизаций, имеет глубинную природу, поскольку накладывает отпечаток не только на различные сферы общественной жизни, но и на интеллектуальную жизнь. В дилемме «социальное – индивидуальное» приоритет всегда отдавался социальному. Это означает, что конфликт интересов между простым свободным человеком и наследственным аристократом всегда решался в пользу последнего [Ломбар, 2004, 82-98].

Таким образом, традиционные китайские представления об управлении государством кардинальным образом отличаются от западных представлений о политике. Если западные представления о политическом управлении восходят к модели древнегреческого полиса, характеризующегося открытостью и публичностью, то китайская модель имеет метафорическую форму, находя выражение в образе ветра. Ветер – олицетворение власти, трава – подчиненных, склоняющихся под влиянием ветра. Ветер (власть) одновременно обладает свойствами стихийности (волевого подчинения) и направленности (харизматического, «тонкого» влияния на сердца людей).

В некотором смысле харизматический аспект управления государством в китайском обществе имел даже большее значение, чем механизм прямого грубого принуждения. Этот аспект искусства управления находит свое выражение в трактате «Хуай Нань-цзы», где описывается идеальная социальная модель, в которой исключалась сама мысль о восстании против государя, и по этой причине существовавшие наказания имели чисто теоретическую природу, так как были не востребованы на практике [Малявин, 2003, 5].

В Древнем Китае для человека низкого происхождения считалось преступлением рассуждать о высоких вещах. В связи с этим в массовом сознании не закрепились такие понятия, как «общественное устройство» или «управление государством», что исключало саму возможность возникновения мятежей [Попов, 1998, 130].

Трехчленная модель управления в традиционном Китае

Китайская модель управления имеет трехчленную природу, включающую власть, мудрость и добродетель. Элементы этой модели диалектически взаимосвязаны: власть исходит от мудрости, коренящейся в добродетельности правителя. В «Уроках мудрости» Конфуций отмечал, что правление при помощи только лишь закона поверхностно, так как основная сдерживающая сила здесь – страх, но не стыд. В случае же добродетельного правления, основанного на ритуале, подчинение будет иметь глубинную природу и авторитет правителя станет незыблем [Конфуций, 2003, 58]. В трактовке Конфуция «закон» и «ритуал» представляют

собой две стороны одной медали: «закон» обладает формальной, сдерживающей силой, в то время как «ритуал» облекает реализацию закона в форму конкретных социальных практик.

Согласно воззрениям Конфуция, искусство управления выражает, прежде всего, результат самопознания и самовоспитания: прежде чем управлять другими, необходимо прежде произвести тщательную «ревизию» в своей душе. Выражением духовного содержания искусства управления в Китае являются лексические идеологемы, встречающиеся в повседневной языковой практике: «гармоническое общество», «всестороннее строительство общества» и т. д. В этом контексте вполне закономерны терминальные ценности социалистического общества, сформулированные Ху Цзиньтао: «равенство и справедливость», «законность и демократия», «доверие и миролюбие», «гармоничное сосуществование природы и человека», «спокойствие и порядок» [Галенович, Россия – Китай – Америка, 2006, 145-200]. Эти ценности имеют интегративную природу и выражают собой общую ориентацию Китая на объединение нации.

Искусство управления государством в представлении китайцев в большей степени ассоциируется с отрицанием насилия, нежели с диктатом власти. Вместе с тем западные политики и социальные мыслители зачастую упрекают Китай в излишней жесткости методов обеспечения социального порядка. Это обстоятельство на первый взгляд указывает на противоречие между ценностными основаниями политики и реальной практикой управления. Вместе с тем это противоречие – лишь видимость. Для китайского общества, население которого составляет более миллиарда человек, проблема социального порядка – это, в некотором роде, вопрос жизни и смерти. В связи с этим для пресечения хаоса в случае необходимости зачастую используются самые радикальные меры [Попова, 1999, 149].

В искусстве управления государством в Китае важнейшими элементами являются страх и порядок. Страх лежал в основе церемониальности политической системы, в которой харизматическая роль государя была настолько сильной, что вызывала искреннее поклонение подданных. При этом насилие и принуждение имели чисто номинальный статус, существуя в сознании масс потенциально, в виде возможности. Исторические события свидетельствуют о том, что переход насилия из потенциальной плоскости в реальную имеет для власти весьма печальные последствия, поскольку подрывает ее авторитет.

В практике управления государством в Китае всегда существовала дистанция между наличием угрозы со стороны властных инстанций и ее реализацией. Именно эту дистанцию и принято считать основой стратегии управления [Малявин, 2003, 13].

Концепции управления, отраженные в древнекитайских трактатах, порой не укладываются в рамки традиционных представлений европейцев. Так, например, европейцам сложно без упрощения постичь смысл 26-й стратагемы, описанной в трактате «Тридцать шесть стратагем». Суть этой стратагемы состоит в том, что авторитет правителя во многом основан на страхе, который, в свою очередь, на практике существует как возможность, так, зачастую, никогда и не реализуемая [Тридцать шесть стратагем..., 1998, 38-50].

Радикальные общественные движения в Китае, имеющие массовый характер, в силу многочисленности народонаселения справедливо квалифицируются правительством как военные действия. В 24-й стратагеме приводится градация правителей по их способности подчинять массы, а значит – сохранять незыблемость власти и социального порядка. В контексте данной стратагемы лучшим считался тот полководец, который был способен казнить половину своего войска. Такой полководец мог подчинить весь мир. Полководец, способный казнить тридцать подчиненных, мог удержать власть в локальных пределах. Полководец, способный казнить лишь десятую часть подчиненных, считался неспособным к сохранению власти [Малявин, 2003, 398].

Заключение

Таким образом, искусство управления государством в Китае имеет две особенности: во-первых, политическая сфера рассматривается социальными массами не как некий императив, но как сфера добровольной интеграции народа в единую общность. Такая трактовка политики восходит к метафоре Великого Пути, определяющего законы совместного бытия людей в целом и место каждого человека в отдельности. Во-вторых, влияние политики на массы носит не принудительный характер, а характер реагирования. В.В. Малявин отмечает, что способность власти держать в повиновении и мобилизовывать огромные массы людей фактически без принуждения – это чисто китайский феномен. Большинство людей в империи проживали свою жизнь, так ни разу и не увидев ни одного государственного чиновника или его представителя [там же, 11].

В представлениях китайцев стихийность власти не замкнута сама на себе, а отражает процессы, происходящие в природе. Именно в этих космологических представлениях о власти и коренится способность китайского общества избегать хаоса и произвола, достигать равновесия в масштабах огромной страны с миллиардным народонаселением. Внешним аспектом социального порядка является четко отлаженная бюрократическая система, эффективность которой определяется не регламентом, привнесенном извне, а сложившейся на протяжении веков традиционной системой ценностей.

Традиционные ценности китайской культуры имеют значительный интегрирующий потенциал, что позволяет обеспечить политическую, экономическую и социальную стабильность страны. Эти ценности создают условия для объединения китайского народа, проживающего на территории Китая и за рубежом, в единую суперобщину [Бичурин, 2002, 325-350]. Возвышение и усиление Китая как супердержавы, безусловно, повышают его авторитет среди развивающихся стран, не разделяющих экспансионистские настроения Запада. Научно-технический прогресс, охватывающий все стороны общественной жизни в Китае, создает видимые предпосылки для интеграции традиционных ценностей этой страны в мировую социально-политическую систему.

Библиография

1. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. 423 с.
2. Брам Л. Китай: пять первоэлементов китайской философии. Б.м., 2002. 203 с.
3. Гаджиев К.С. США: эволюция буржуазного сознания. М.: Мысль, 1981. 255 с.
4. Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 390 с.
5. Галенович Ю.М. Россия – Китай – Америка: от соперничества к гармонии интересов. М.: Русская панорама, 2006. 573 с.
6. Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М.: Институт Дальнего Востока, 2004. 319 с.
7. Конфуций. Уроки мудрости. М.: Эксмо Фолио, 2003. 957 с.
8. Кузык Б.Н. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 652 с.
9. Ломбар Д. Императорский Китай. М.: АСТ Астрель, 2004. 190 с.
10. Малявин В.В. Искусство управления. М.: АСТ, 2003. 432 с.
11. Матвейчев О.А. Китай на стыке тысячелетий. М.: Звездная лига, 2004. 108 с.
12. Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы. М.: Восточная литература, 1998. 278 с.
13. Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература, 1999. 277 с.
14. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000. 460 с.
15. Тридцать шесть стратегем: китайские секреты успеха. М.: Белые альвы, 1998. 185 с.

Religious and ideological aspect in the concept of state (China)

Shagdar Sh. Tsybanov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
East-Siberian State University of Technology and Management,
670013, 40v Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: tsybanov_sh@mail.ru

Abstract

Objective. The article considers the role of religious and ideological factor in the concept of governance in China. The paper interprets the value of Chinese civilization values in the world

historical process, reveals the spiritual causes of socio-cultural and political rise of China at the present stage. **Methods.** The author uses the method of comparative analysis, historical-philosophical reconstruction, and also applies philosophical hermeneutics. **Results.** He describes the peculiarities of interpretation of concepts "politics" and "reform" in Chinese culture, draws a parallel with the interpretation of these concepts in the Western discourse. The article presents a tripartite model of governance in China (power, wisdom, virtue). A special role is given to understanding the importance of the spiritual ruler of capacity in the power system. The author reveals the meaning of the metaphorical image of the authority and the fear factor as hidden but ever-present possibility. The paper examines the role of law and ritual practices in management; the value interprets core values of the Chinese socialist society. The research results can be applied in the social and humanitarian field; it is also widely used in the field of socio-political forecast and analysis. **Conclusion.** Traditional Chinese culture values have significant potential for integration. It ensures political, economic and social stability of the country. These values create the conditions for the unification of the Chinese people living in China and abroad.

For citation

Tsybanov Sh.Sh. (2016) Religiozno-ideologicheskii aspekt v kontseptsii upravleniya gosudarstvom (Kitai) [Religious and ideological aspect in the concept of state (China)]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 5 (5A), pp. 105-113.

Keywords

Confucianism, Buddhism, soft power, charismatic management, power, law, ritual, harmonious society.

References

1. Bichurin N.Ya. (2002) *Kitai v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii* [China's civil and moral condition]. Moscow: Vostochnyi Dom Publ.
2. Bram L. (2002) *Kitai: pyat' pervoelementov kitaiskoi filozofii* [China: five elements of Chinese philosophy]. B.m. Publ.
3. Gadzhiev K.S. (1981) *SShA: evolyutsiya burzhuaznogo soznaniya* [US: the evolution of bourgeois consciousness]. Moscow: Mysl' Publ.
4. Galenovich Yu.M. (2006) *Deviz Khu Tszin'tao: sotsial'naya garmoniya v Kitae* [The motto of the Hu: social harmony in China]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ.
5. Galenovich Yu.M. (2006) *Rossiya – Kitai – Amerika: ot sopernichestva k garmonii interesov* [Russia – China – America: from rivalry to the harmony of interests]. Moscow: Russkaya panorama Publ.

6. Kokarev K.A. (2004) *Politicheskii rezhim i modernizatsiya Kitaya* [The political regime and modernization of China]. Moscow: Institute of the Far East.
7. *Konfutsii. Uroki mudrosti* [Confucius. Lessons of wisdom]. Moscow: Eksmo Folio Publ.
8. Kuzyk B.N. (2006) *Kitai – Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya* [China - Russia 2050: co-development strategy]. Moscow: Institute for Economic Strategies.
9. Lombar D. (2004) *Imperatorskii Kitai* [Imperial China]. Moscow: AST Astrel' Publ.
10. Malyavin V.V. (2003) *Iskusstvo upravleniya* [The art of management]. Moscow: AST Publ.
11. Matveichev O.A. (2004) *Kitai na styke tysyacheletii* [China is on the turn of the millennium]. Moscow: Zvezdnaya liga Publ.
12. Popov P.S. (1998) *Kitaiskii filosof Men-tszy* [Chinese philosopher Mencius]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
13. Popova I.F. (1999) *Politicheskaya praktika i ideologiya rannetanskogo Kitaya* [Political practice and ideology of the Early T'ang China]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
14. Sidikhmenov V.Ya. (2000) *Kitai: stranitsy proshlogo* [China: pages of the past]. Smolensk: Rusich Publ.
15. *Tridtsat' shest' stratagem: kitaiskie sekrety uspekha* [Thirty-six stratagems: Chinese secrets of success]. Moscow: Belye al'vy Publ.